

* * *

Багрец всему – и тополям, и клёнам,
Калине, что пустили на вино.
И нам, столь непростительно влюблённым
Во всё, что смертно и обречено.

В преддверье неизбежной вечной стужи
Ни мускулом не дрогни, ни лицом,
Когда стоишь, боса и безоружна,
Лицом к лицу с кровавым багрецом.

Пойми, ревнуя к малахитам лета,
В себе попутно лучшее губя,
Он по стихам твоим и по приметам
Прицельно выждал, выследил тебя.

Он не забыл, как ты пренебрегая
Его огнём, что царственно горит,
Смеясь, простоволосая-босая
Сбежала в летний звонкий малахит.

Ты не привыкла жить наполовину,
Помилованья, стало быть, не жди...

Любаясь кистью пламенной калины,
По ягодке с улыбкой в рот клади.

Пусть ветер-конвоир толкает в спину
Навстречу золотому багрецу...
...Кровавая окалина калины
Парадоксально Родине к лицу.

* * *

Кто-то едет на Мальдивы,
Кто-то едет на Канары.
Кто-то берегом турецким
очарован-околдован.
Шлях-дороженька, куда ты?
– Не кудыкай! К Светлояру.
Кто куда, а ты, родная,
К русским северам за словом.
– Что мне это слово, право?
Я за ним в карман не лезу!
Я уже давно мечтаю
Нежиться на пляже южном...
Что мне проку в этой славе,
Что горька и бесполезна?
Мне от этой лютой стервы
Ничего уже не нужно.
– Что ты поднимаешь кипеж,
Как спесивая девчонка?
Разве русскому поэту
Так вести себя пристало?
Ждёт тебя заветный Китеж...
Кипятись, да помни это!
Ты по праву – китеянка,
А тебе и горя мало!
Шлях-дороженькой была я.
И во что я превратилась?
В путь единственно возможный...
Так что сокрушаться поздно.
...Шлях-дороженька, родная,
Сделай божескую милость!
Я хочу туда, где светят
С неба ласковые звёзды...

Поэту Анатолию Передрееву

Переезды. Перегоны.
Пересуды. Передреев...
Кто такой? Поэт в законе,
Чьи стихи в морозы греют.

Только ты предпочитаешь,
Мой попутчик, греться водкой.

Только вряд ли ты читаешь.
Толька был поэт не кроткий.

Впрочем, он тебя бы вряд ли
Осудил – был сам не промах
Горечь намахнуть до капли
Средь знакомцев незнакомых.

Дух околиц и окраин
Овеивает наши лица...
Не тоскою странствий ранен,
Едет мой сосед в столицы.

Не считая километры,
В Уренгой из Оренбурга
Едет он по белу свету...
Говорит, с деньгами тugo.

Выживаем, выживаем,
Но не из ума, надеюсь,
Хоть стихи воспринимаем,
Как неслыханную ересь.

Пахарь и поэт-изгнаник...
Перед небом все едины.
Что ж ты наши души ранишь,
Анатолий Константиныч?

Душ людских путеводитель,
Как положено поэту,
Носит в сердце (не хотите ль?)
Еретическую мету.

Перемены. Передряги...
Но сердца стихами греет
Вдохновенный работяга
Анатолий Передреев.

* * *

Любимой меня не зови:
Не холодно мне и не жарко!
Давай посидим визави
Над нашей прощальной чаркой.

Напрасно, заученно рад,
Улыбчиво нам докучая,
Услужливый официант
Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: «Тащи ананас!
Шампанское – нет! Мораторий!..»

Печальная сказка про нас –
Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
Что вечного нет и не будет.
Иллюзии пустим на слом...
Делов-то! От нас не убудет!

Смеясь, ананас доедим,
Запьём поминальною чаркой...
И пыли веков предадим
Всё то, что искрылось так ярко.

Всё то, что ты мне не простишь,
Лукавою славой обласкан...
И в сумерки цвета чернил
Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
Неважно, кто более ранен...
О нас и задолго до нас
Поведал поэт Северянин.

* * *

Мы поэты... А значит, нам так и надо!
Не впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладкозвучным елеем.

Мы поэты... И место наше в буфете.
Не на сцене и даже не на галёрке.
Не в борделе, тем паче не в госсовете,
Где прозаседались тузы-шестёрки.

Хоть буфетчица не похожа на музу,
Но зато без всякого промедленья,
Видя в каждом потенциального мужа,
Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья.

...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а пуще – Вере, Любви, Надежде...
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поимённо – другие. По сути – те же.

Пусть поэзия – площадная девка –
Откликается на любое имя.
Но при этом помнит с тайной издевкой,
Что от веку зовут её – Магдалина.

* * *

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое – истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
... Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приблуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!

Памяти митрополита Иоанна Сычева

Ваши пальцы пахнут зыбким ладаном.
Наши пальцы – крепким никотином...
С этим, право, что-то делать надо бы –
С этим неизбыtnым русским сплином.

С этим, право, что-то делать надо же,
А не делать вид, что так и надо...
Зябкий свет осеннего Приладожья
Не пророчит чаемого лада.

И почти на равных – до обидного! –
Наш вопрос не одарив ответом,
Прочь струится фимиам молитвенный
И дымок лукавый сигаретный.

...Мы не извращенцы и не нытики,
И не суицидники по пьяни,
Но боятся психоаналитики
Нас, великий Отче Иоанне!

Крепким никотином заарканены
В этой зябкой северной столице,
Чем мы так смертельно в душу ранены,
Что и смерть нас до смерти боится?..

* * *

Накануне ночью, жестко жизнь итожа,
Я была жесточе, но зато моложе.
И, бордо с бургундским намешав по-русски,
Я пила азартно, то есть без закуски.

Своевольно губы закусив до боли,
Всех, кто были любы, вспомнила невольно...
Ах, любовь- чахотка! Ты неизлечима!
Не спасала водка, не спасут и вина.

Вовсе не пытаясь врачевать печали,
Вновь бордо с бургундским кровно воевали.
Не щадя постылых, не жалея милых,
Ледяным коктейлем закипали в жилах.

Кто сказал, что вина уврачуют вины?
Грянет день январский с брызгами рябины...
И любовь склонится тихо к изголовью,
В белую перчатку покашливая кровью.

* * *

Причесись, причепурись,
Улыбнись, примерь обновы!...
— Свет мой, зеркальце, заткнись!
Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
Поспирали, поспирали
Годы юный шёлк ланит,
Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Всё вы врете, зеркала!
Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну твоё какое дело?

Бон суар, мон шер ами?
Ни фига! Ещё не вечер!
Свет мой, зеркальце, храни
Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.